

Их характеризует полное забвение своих корней, отсутствие какой бы то ни было духовной связи между поколениями, каких бы то ни было нравственных ценностей, передающихся «по наследству».

«Печальная» погорелковская усадьба и еще более печальный деревенский погост – не просто часть (самая бедная) головлевских владений. Это головлевское «гнездо» в миниатюре – вымершее, безжизненное «пепелище» (прозрачна семантика названия имения – Погорелка), кладбище надежд и мечтаний. Это символ умирания, исторической перспективы хотя еще существующего, но обреченного, «выморочного» рода.

От главы к главе, ведя хронику головлевского рода, Салтыков-Щедрин руководит читательским восприятием. Весь строй романа, все его художественные средства, его пафос направлены на то, чтобы подготовить читателя к выводу, с предельной четкостью сформулированному автором в последней главе, звучащему как приговор «дворянскому гнезду»: «Головлево – это сама смерть, злобная, пустоутробная; это смерть, вечно подстерегающая новую жертву. Все смерти, все отравы, все язвы – все идет отсюда».

© Д.Н. Жаткин

Пенза

ОЦЕНКА НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КРИТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ А.А. ДЕЛЬВИГА

Литературно-критическое наследие Дельвига, весьма существенное по объему, включает в себя сорок одну авторскую статью, два сочинения коллективного характера и один незавершенный набросок начала рецензии. Однако при внимательном рассмотрении нетрудно убедиться, что подавляющее большинство статей невелики по объему и написаны в 1830 году для «Литературной газеты». Только две статьи Дельвига «Известность российской словесности (Письмо к издателю «Музеума»)» и «На критику «Галатеи» созданы ранее, а потому непосредственного отношения к известному газетному издательскому проекту не имеют. Впрочем, небольшой объем литературно-критических работ Антона Антоновича акцентирует разве что их ориентацию на читателя газеты, небольшой по своему объему. В ограниченные рамки автору неизменно удавалось вложить концентрированно выраженную систему мыслей по конкретному поводу, а потому статьи Дельвига с достаточной полнотой, часто в открытой форме раскрывают его воззрения и убеждения.

Первая статья «Известность российской словесности» была написана Дельвигом еще в разгар лицейского времени и отправлена в журнал «Российский музей» в форме открытого письма редактору. В №10-11 журнала статья увидела свет, но решительным образом не привлекла к себе ни малейшего внимания. Только десятилетия спустя исследователи, обратившись к скромной статье за подписью «барон Д.». Нашли в

ней поистине пророческую фразу: «...может быть, за веком, прославленным нашим громким оружием, последует золотой век российской словесности?...» Предчувствие не обмануло юного Дельвига, на глазах которого возшла немеркнущая звезда Пушкина, свет которой озарил величественное время, которое до сих пор мы называем золотым веком русской поэзии. Имея душу ранимую и чувствительную, Антон Антонович прекрасно сознавал, что предшествующие десятилетия развития поэзии, давшие большие количественные накопления в плане тематики, образности, изобразительно-выразительных средств, должны вызвать качественный скачок, непосредственно связанный с гением Пушкина, вобравшим в себя лучшие достижения предшествующих поколений, продвинувшим развитие русского литературного языка.

Дельвига беспокоило состояние отечественной критики, которая в полной мере не отвечала требованиям, предъявляемым к ней общественным сознанием: «Иностранцы удивляются азиатской щедрости наших журналов на похвалы, а мы приписываем эту неумеренность азиатской лени нашей читать и думать». И действительно, многие люди, пусть даже неплохие поэты, драматурги, в одночасье решали следовать за текущей словесностью, сообщая читателям своих изданий о вновь вышедших книгах. Не имея желания вдумчиво осмысливать книжные новинки, многие новоявленные критики ограничивались внешними голословно-риторическими похвалами или бранью, за которыми не было видно реального анализа, а проступали только противоречивые отношения враждующих литературных группировок. В результате оказывалось, что грозные определения иных авторов сильно расходились с мнением рассуждающей публики. Но особенное возмущение Дельвига вызвала обидная истинному таланту тенденция журналов раздавать «лавры и благодарность от лица всего человечества». В наибольшей степени страдали вынесением подобных благодарностей Н.А. Полевой и М.А. Бестужев-Рюмин, прилагавшие немало усилий для вытеснения не нравившегося им А.С. Пушкина с вершины поэтического Олимпа.

В качестве замены Пушкину рассматривался молодой, даровитый и крайне амбициозный поэт Андрей Иванович Подолинский, выпестованный кругом Дельвига, но разошедшийся с ним в виду неуместного стремления к утверждению собственной значительности. В 1827 г. Подолинский напечатал маленькую поэму «Див и Пери», вселившую надежду на появление нового самобытного таланта. Как писал Дельвиг, «счастливо выбранный предмет, стихи, всегда благозвучные, хотя не везде точные, и в целом хорошее направление молодого таланта обрадовали истинных любителей русской словесности». Но если пушкинский круг литераторов радовался этому событию умеренно, то иначе вели себя некоторые другие писатели, возмнившие себя критиками. Ярче других запомнилась Дельвигу реакция Н.А. Полевого, вызвавшего «благодарить молодого

поэта от лица всего человечества». Конечно, передавая реакцию оппонента, Антон Антонович не преминул превратить его более нейтральные слова в ироничную, не вызывающую никаких реакций, кроме смеха, фразу. Но суть была схвачена до боли верно: повелительность тона, отсутствие чего-либо определенного в хвалебных выражениях, демагогическое стремление говорить от лица всех мыслящих, счастливая самоуверенность... Отзывы, подобные реплике Н.А. Полевого, произвели вредное действие на молодой талант Подолинского, который стал еще более небрежен в своей языковой благозвучности, что проявилось во второй поэме «Борский». В феврале 1829 г. С.П. Шевырев передавал интересную мысль А.С. Пушкина: «Полевой от имени человечества благодарил Подолинского за «Дива и Пери», теперь не худо бы от имени вселенной поблагодарить его за «Борского»». Однако вместо справедливой критики от людей, образование и ум которых требовали смены упорного молчания правдивым, честным анализом, Подолинский вновь не услышал ничего, кроме льстивых слов С.Е. Раича, указавшего в «Галатее» (1829, №10), что молодые поэты должны «учиться поэтическому языку у г. Подолинского, как некоторые учились до сего времени у Жуковского, Батюшкова и Пушкина». Поэтому громом среди ясного неба стала для Подолинского рецензия Дельвига в «Литературной газете» от 1 апреля, вызванная выходом новой поэмы «Нищий» в санкт-петербургской типографии Х. Гинца.

Начиная свой рассказ с тех надежд, что подавал Подолинский в начале пути, Дельвиг плавно переходит к критике «Борского», склеенного «из неискусных подражаний двум-трем поэмам любимых наших поэтов» и законченного «катастрофой собственной выдумки, годной разве для модных французских пародий» типа иронического сочинения Ж. Шербулье «Наутро после последнего дня осужденного» – своеобразного ответа на рассказ В. Гюго «Последний день приговоренного к смертной казни» (1829). Не отрицая благозвучия стихов Подолинского, Дельвиг в то же время показывает, что гармония его бессмысленных сочинений не рождает поэтических чувств и мыслей, не облекается в целостные, выразительные художественные образы, раскрывая лишь «хорошо устроенный орган слуха» своего автора. У Подолинского не обнаруживается связь «очаровательности звуков с истинною вдохновением», доставляющая подлинное наслаждение ценителям лирики и славу достойным литераторам. Дельвиг надеялся, что поэма «Нищий» позволит Подолинскому преодолеть негативные явления, наметившиеся в его творчестве, однако на деле новое произведение оказалось гораздо слабее прежних, не содержало поэтического вымысла, в ряде мест нарушало грамматику и не имело смысла. Для доказательства данной мысли Дельвиг обращался к анализу отдельных фрагментов произведения, изложению сюжетных эпизодов.

Претензии к Подолинскому связывались с неудачной раскруткой фабулы, когда любовь Нищего к родине внезапно перерастает в страсть

к девушке-итальянке Аньоле, когда совершенно неуместным кажется его признание во время праздника весны. Нищий понимал, что Аньола его не любит, однако продолжал преследовать ее, уже решившую связать жизнь с другим человеком. Застав ночью Аньолу, целующуюся над водопадом с неизвестным мужчиной, Нищий сбрасывает соперника в воду, претворяя в жизнь ревнивое мечтание пушкинского Алеко из поэмы «Цыганы»: «Я в волны моря, не бледнея, // И беззащитного б толкнул...». Дальше происходит нечто невообразимое: даже не вскрикнув от испуга, Аньола скрывается прочь; Нищий по голосу узнает в погибающем человеке родного брата, но вместо того чтобы поспешить вымолить прощение, произносит многословную тираду и падает в обморок. Дальнейшие события в поэме путаны, не имеют ни смысла, ни цели: Нищего сажают в тюрьму, где его поначалу навещает мать, затем она и Аньола умирают, судьи забывают о Нищем и только завоевание Италии Наполеоном, велевшим освободить заключенных, спасает его от вечного заточения. Выйдя из темницы, Нищий не чувствует угрызения совести, в нем пробуждается любовь к могилам матери, Аньолы и убиенного брата. Пospешивший на кладбище герой встречает там три знакомых тени, которые требуют от него навсегда удалиться из Италии, после чего возникает решение уехать в Россию, где одиночество продолжает грызть сердце странного, загадочного преступника.

Усматривая отсутствие логики во многих словах и поступках Нищего, Дельвиг убедительно говорит, что рецензируемому автору не удалось создать выпуклый, полноценный образ главного героя, продумать рациональный, отвечающий реалиям бытия ход развития событий в произведении. Рецензия Дельвига появилась слишком поздно для того, чтобы Подолинский, раздутая репутация которого находилась в зените популярности, задумался о недостатках собственного творчества. Причины критического отношения к себе Андрей Иванович отнес на счет ревностного служения Дельвига утасажившей звезде Пушкина, о чем можно судить по воспоминаниям последующего времени. Подобную точку зрения отстаивали и неприятные Дельвигу критики, прежде всего М.А. Бестужев-Рюмин, в №41 «Северного Меркурия» за 1830 г. открыто объявивший Подолинского самым реальным конкурентом Пушкина и расценивший как интригу дельвиговскую публикацию. Жизнь доказала правоту Дельвига: даровитый Подолинский, не сумев преодолеть творческой небрежности, невнимания к языку, вскоре погрузился в бесславное забвение, в котором находился до самой своей смерти в 1886 г.

В номере «Литературной газеты» за 2 декабря 1830 г. Дельвиг поместил свою совмещенную рецензию на два произведения литераторов, достаточно близких пушкинскому кругу, – русскую повесть в стихах Ивана Козлова «Безумная» и поэму в трех частях барона Егора Розена «Рождение Иоанна Грозного». Рецензент отметил, что русская литература еще не живет полной жизнью, а критики ее похожи на Илью Муромца

из волшебной-рыцарской поэмы Н.М. Карамзина (1794), который, если бы не имел волшебного перстня, целый век ждал бы пробуждения очарованной красавицы. Русскую литературу своего времени Дельвиг называет красавицей, пробуждающейся очень редко и опять засыпающей до неопределенных пор. Из всех авторов в рецензии выделяется лишь величественная фигура Пушкина, творца подлинных высокохудожественных шедевров. Другие кудесники, пытаясь расшевелить литературный процесс, скатываются до бездарного описательства, подражаний и полной невыразительности. Чего стоит, к примеру, образ героини, страдающей лунализмом, что является одним из ключевых в поэме А.И. Подолинского «Борский». Подобная оригинальность вызывает едкую иронию: «Что ж? Мы рады и бреду милой женщины: все ж по крайней мере слышишь ее. Притом же, благодаря Месмеру и его произведениям, мы иногда знаем, что лунатики могут иногда заговорить не хуже неспящих». Помянутый Дельвигом Фридрих Антон Месмер – немецкий врач, автор популярной в те годы теории «животного магнетизма».

Совокупность литературно-критических статей Дельвига позволяет судить о тех основных проблемах, что вставали перед поэтом в последний год его жизни: борьба с кругом Ф.В. Булгарина и людьми, близкими «Московскому телеграфу» Н.А. Полевого, недовольство засилием «мелкотравчатой» литературы для низкокультурных читателей, воскрешением в условиях зарождения эстетики реализма просветительского нравственно-сатирического романа XVIII века. Дельвиг боролся и с одиозными проявлениями внутри пушкинского круга, в особенности, с попытками А.И. Подолинского («Нищий») и Е.Ф. Розена («Рождение Иоанна Грозного») внедрить в литературу принципы «неистовой поэтики». Дельвиг осуждал небрежное отношение авторов к слову, частую стилистическую небрежность и считал, что все это вызвано коммерциализацией литературы. Наконец, во всех вопросах литературной борьбы Антон Антонович практически неизменно отстаивал пушкинские позиции, считал их наиболее правильными, продуманными и объективными. По прошествии веков эстетические взгляды Дельвига, его подходы к разрешению литературных ситуаций, общественных проблем не теряют значимости и актуальности, вместе с тем оставаясь ярким свидетельством уровня развития отечественной словесности на рубеже 1820–1830-х гг.

© Л.Н. Житкова
Екатеринбург

СУБЪЕКТИВНОСТЬ И СУБЪЕКТИВНОСТЬ: Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ И ДРУГИЕ

Во всех работах о Д. Мережковском-критике прежде других особенностей его метода указывается его субъективность. Сам Мережковский специально подчеркивал значение этого качества своей критики, опре-

86